

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-88-98

СИМВОЛЫ КРЯШЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПРИЗНАНИЯ ЧАРЛЬЗА ТЕЙЛОРА

Андрей Денисов

Центр исламоведческих исследований Академии Наук Республики Татарстан

Аннотация

Анализируются символы кряшенского субэтнического национального движения, которые были сформированы на протяжении всего периода этнополитической мобилизации кряшенского населения с середины XIX в. до наших дней. Исследование выполнено на основе «теории признания» Чарльза Тейлора и этносимволического подхода к исследованию национализма. В политике признания, согласно Чарльзу Тейлору, для складывания подлинной и гармоничной идентичности субъекту, помимо сформированного самосознания, всегда необходимо признание значимых других. Когда субъект не получает признания, то он может начать требовать это признание и бороться за него. Для этого первичные «исторические» символы национальные движения используют для актуализации своей этничности посредством достижения внешнего признания. Если этого не происходит, то запускается процесс создания новых символов, на основе уже существующих.

Результатом исследования стала классификация символов кряшенского субэтнического национализма. Была разработана схема трансформации символов этнополитической мобилизации кряшен от их источника (миссионерской деятельности Н. Ильминского) до придания переписи населения 2002 г. статуса отдельного синтезируемого символа – мифомотора.

Отдельное внимание уделено первичным «историческим» символам «Православия» и «Кряшенского языка», как формирующим внутреннее самосознание этнической группы и воспроизводимым на протяжении всех этапов развёртывания кряшенского субэтнического национального движения.

Ключевые слова: идентичность; кряшены; национализм; национальное движение; символы; теория признания Ч. Тейлора; этнополитическая мобилизация.

В конце XX в. некоторые зарубежные авторы в духе «Конца истории» Ф. Фукуямы (Фукуяма, 2004) предрекали скорую смерть такому социально-политическому общественному явлению, как национализм (Habermas, 2001: 139). Конечно, нельзя сказать, что этнический фактор полностью игнорировался, но ученые часто предполагали, что этническая солидарность будет постепенно исчезать в общественно-политическом пространстве с продолжающимся распространением либерально-демократических ценностей. От этого, по их мнению, этническая принадлежность являлась переходным явлением или фактором, который не имеет серьёзного влияния на политическую систему.

Оттого, что отрицалось будущее национализма как явления, отрицалось и будущее вообще национальных движений. По нашему мнению, национальные движения являются оболочкой, внешней формой национализма этнической группы. Верно и обратное утверждение, что национализм – это движущая сила любого национального движения. Как мы видим, здесь прослеживается прямая взаимосвязь. Конечно же, исследователи, которые пророчили смерть национализму и «этническому фактору», оказались не правы.

В контексте изучения роли и места этнически-значимых символов в национальных движениях мы выстраиваем своё исследование согласно этносимволическому подходу к исследованию национализма, представленных в работах Дж. Армстронга (Armstrong, 1982), Э. Смита (Smith, 2009) и Дж. Хатчинсона (Hutchinson, 2005). Этот подход стремится к срединному объяснению природы наций и национализма, сочетая в себе противоположные примордиалистский и конструктивистский подходы. Этносимволисты рассматривают нации после XVIII в. как новые виды этнических групп, чьё формирование может быть представлено как растянутый во времени процесс, берущий своё начало задолго до начала Нового времени, а значит должен рассматриваться через концепцию «longue durée» (времени большой длительности) (Malešević, 2018: 298). Из-за того, что формирование наций проходит на протяжении достаточно долгого промежутка времени, мы очень часто можем наблюдать, как внутри

одной этнической группы (и производного от неё – национального движения) случается появление часто противоположных этнически значимых символов. Исходя из этого, возникает вероятность конкуренции репертуаров внутри национального движения изначально единой этнической группы. Из-за того, что этнически значимые символы и формируемые репертуары могут кардинально не совпадать друг с другом, выбор пути развития единой этнической общности может кардинально меняться в зависимости от выбранного символического ряда. Это может привести к появлению новых этнических групп с отличительной от внешнего окружения внутренней самоидентификацией (например, боснийцы сепарировались от сербов из-за различия в религии), появлению субэтносов (например, кряшен внутри татарской нации или казаков¹ внутри русского этноса) или же постоянной борьбы за определение путей развития единой нации (пример Венгрии с её “двойным” началом как представителей великих Гуннов и как защитницы христианской Европы от Османского завоевания).

Теория признания Ч. Тейлора

У современных национальных движений можно выделить несколько главных целей: освобождение от той или иной степени зависимости от других этнических групп, объединение нации и защита прав и привилегий. Но все эти разнообразные цели национальных движений можно уместить в ёмкое понятие “этническое самоопределение”. Национальные движения стремятся актуализировать себя, свой этнический потенциал для занятия равноправного положения в этнической структуре определённого общества, что непосредственно ведёт к перераспределению статусно-властных позиций в социуме. В данной статье на основании теории признания Ч. Тейлора подробно опишем теоретическую основу данного процесса и проиллюстрируем его на примере кряшенского национального движения.

Теория признания Ч. Тейлора наиболее полно отражена в его программном эссе “Политика признания” (Taylor, 1994). Ч. Тейлор утверждает, что формирование идентичности как самости происходит во взаимодействии и борьбе со значимыми другими (Thompson, 2006: 22).

Ч. Тейлор подчёркивает, что человеческая идентичность формируется посредством диалога. Он также отмечает, что “важнейшей особенностью человеческой жизни является её диалогическая основа” (Taylor, 1995: 230). Смысл этих слов заключается в том, что Я (любой субъект – в нашем случае – это национальное движение) не может создать свою собственную самость только изнутри. И эта личность, сам процесс её формирования нельзя просто определить местом данного субъекта в обществе и его структуре. Скорее личность субъекта, по мнению Ч. Тейлора, диалогична в том смысле, что представление о том, кем Я являюсь, формируется с общением с моим внешним окружением (Taylor, 1995: 231).

Таким образом, Ч. Тейлор говорит, что открыть свою собственную личность – это обсуждать её через диалог. Причём этот диалог может быть и внутренним, частично открытым, но обязательно со значимыми другими. Вот тут можно проследить непосредственную связь между признанием и идентичностью. Ч. Тейлор пользуется социологическими терминами – “значимые другие”. Он использует его для описания тех, кто играет решающую роль в формировании личной идентичности. Тем самым Ч. Тейлор наглядно показывает, что идентичность зависит от признания “других”, и от этого само признание становится жизненно необходимо человеку (Сидоркин, 2014: 214).

По Ч. Тейлору значимые другие – это те, с кем Я связан отношениями личного признания. Подчёркнём пару отличительных черт. Во-первых, диалог со значимыми другими не имеет конца. Это неопределённая стадия, которую человек прошёл без возврата. Ч. Тейлор отмечает, что через язык мы остаёмся связанными с партнёрами по дискурсу в общении, передаче информации, конфронтации – это процесс непрерывный (Taylor, 1989: 38). Но это не означает, что мы не можем пытаться определять себя сами на уровне личного признания (просто мы будем постоянно искать его подтверждения). Во-вторых, Ч. Тейлор подчёркивает непреодолимость того факта, что идентичность формируется в диалоге с другими. Он считает, что даже отшельник или художник-одиночка имеют виртуальных партнёров в диалоге (Taylor, 1994: 34). Просто без таких диалогов (как с виртуальными, так и вполне с реальными партнёрами) люди не могут осмыслить свою жизнь.

¹ В данном случае мы берём казаков как субэтнос русского народа, выделенный по сословному (военно-служилому) принципу, принципиально не включая сюда представителей нерусских народов, разделяющих казакскую идентичность (например, нагайбаков).

Ч. Тейлор полагает, что эта диалогичность “Я” является ассоциацией с рядом норм и ценностей, которые разделяет сам человек. Эти ценности и идеалы имеют собственный этический вес и важны для связки между идентичностью и признанием. Можно лаконично объяснить это следующим образом – моя личность – это не просто то, что я приобрел, занимая определённое положение в структуре общества, а то, что делает меня неповторимым, единичным. Это понятие индивидуальности облекается в форму определённого “идеала подлинности” (аутентичности).

Учитывая тесную взаимосвязь идентичности и признания, которая подкрепляется ценностями аутентичности и самопознания, может случиться так, что индивид может быть подвергнут ошибочному (неправильному) признанию или его отсутствию. Ч. Тейлор отмечает, что отказ в признании или же ложное признание со стороны других может нанести определённый вред, являться некоторой формой угнетения, заточения сознания в ложных координатах (Thompson, 2006: 23). От этого сильно страдает и самопредставление о себе (личное признание). Ч. Тейлор предполагает, что понимание идентичности как сформированной или деформированной¹ другими приводит к появлению новой категории “второсортных” граждан.

Как и у большинства исследователей идентичности, Ч. Тейлор понимает формирование идентичности и самости как постоянный непрерывный диалог и борьбу со значимыми другими. Личное признание – это не только гармоничный процесс, в котором формируется наша личность, наше самосознание. Скорее, это результат определённого отношения между субъектами (внутреннего и внешнего). Для оригинальной (подлинной, аутентичной) идентичности всегда необходимо признание. Когда субъект не получает признания от своего личного значимого другого, то, по мнению известного исследователя теорий признания, Симона Томсона, он начинает требовать это признание, бороться за него или же вполне возможно, что может отказаться от признания и попробовать без него прожить (Thompson, 2006: 24). В любом случае, этот выбор глубоко повлияет на его личное признание и на представление о том, кем он является. От этого получается, что самосознание субъекта, его идентичность – это результат борьбы со значимыми другими, их интерпретациями отражения субъекта. Или же, как это назвала Джесика Бенджамин, “моя идентичность отчасти сформирована ложным признанием или его отсутствием со стороны других” (Benjamin, 2013: 367).

Символы кряшенского национального движения

Если же мы перейдём от теории непосредственно к национальным движениям и их стремлению к актуализации этнического (стремления к признанию), то должны обязательно отметить, что необходим ряд значимых символов, которые должны сформировать первоначальную (внутреннюю) идентичность внутри этнической группы. Эти же символы национальное движение, по большому счёту, будет отражать перед значимыми другими в надежде на внешнее признание.

Мы хотим разделить все возможные символы на 2 большие категории: первичные и вторичные (синтезированные). Первую категорию следует, по нашему мнению, разделить ещё на 2 части: символы исторические и “новые”. При этом следует понимать, что второе разделение во многих случаях может быть условным, так как “новые” символы со временем становятся “историческими”, но для изучения символов национального движения на определённом историческом этапе данное разделение следует считать оправданным.

Перед тем как отметить, какие символы для кряшенского движения являются первичными (историческими и “новыми”) и вторичными (синтезированными), следует отметить, что для появления символов необходим источник этнополитической мобилизации этнической группы. Обычно это местные интеллектуальные круги (Hгоch, 1996: 37). Правда, это может быть и внешний источник (например, крупное военное поражение или же определённая государственная национальная политика). Если же мы говорим о кряшенском национальном движении, то этот источник – миссионерская деятельность Н.И. Ильминского. Под историческими символами мы понимаем символ православия и “кряшенского” языка. Под “новыми” символами – миф о происхождении, дискурс о времени принятия христианства, о “притеснении”. Под вторичными (синтезированными) символами – перепись населения 2002 г.

¹ Что не является логической ошибкой, так как деформированная личность тоже является уже сформированной.

Символы кряшенского национального движения

Источник		Миссионерская деятельность Н.И. Ильминского
Первичные символы	Исторические	Православие, “кряшенский” язык и др.
	“Новые”	Миф о происхождении, дискурс о времени принятия христианства и др.
Вторичные (синтезированные) символы		Перепись населения 2002 г.

На схеме (с. 86) мы показали алгоритм, как трансформировались символы кряшенского национального движения от источника этнополитической мобилизации кряшен как этноконфессиональной группы (миссионерская деятельность Н.И. Ильминского) до придания переписи населения 2002 г. статуса отдельного синтезируемого символа – мифомотора.

На данной схеме показано, что миссионерская деятельность Н.И. Ильминского создала ряд первоначальных символов этнополитической мобилизации кряшенского населения (мессианская роль православия, “кряшенский язык”). Эти символы необходимы, в первую очередь, для формирования внутреннего самосознания. Затем эти символы национальное движение использует для актуализации своей этничности во внешнем окружении (политика признания по Ч. Тейлору). Если этого не происходит, то запускается процесс создания новых символов. “Новые” символы создаются на основе уже существующих. Так, например, символ “о времени принятия христианства” или символ “мифа о происхождении” был создан уже после мессианской деятельности Н. Ильминского и других православных миссионеров. Частично они были созданы в первую волну кряшенского политического национализма с 1917 г. по конец 1920-х гг. XX в. представителями уже окрепшей кряшенской интеллигенции, которые прошли курсы обучения в крещёно-татарских школах, созданных Н. Ильминским и В. Тимофеевым. Но по большей части это уже продукт второй волны кряшенского политического национализма с 1998 по 2002 гг. Поэтому в статье будут раскрыты только исторические первичные символы кряшенского национального движения (символы православия и “кряшенского” языка).

После того как “новые” символы уже созданы, национальное движение пытается использовать их для повторной попытки внешнего признания своей этнической группы. Фактически, когда мы говорим о кряшенском движении, то под повторным внешним признанием мы понимаем кампанию к переписи населения 2002 г. (вторая волна кряшенского политического национализма) и саму всероссийскую перепись 2002 г. И если и в этот раз случается неудача во внешнем признании, то алгоритм заикливается и перепись населения (или любая другая форма актуализации этничности) превращается в самостоятельный символ национального движения (вторичный символ), который вобрал в себя все предыдущие элементы символического ряда и преобразовал их в единый мифомотор. От того, что алгоритм трансформации символов этнополитической мобилизации заикливается, каждая перепись населения запускает новую социальную процедуру (Bottici, 2007: 257), посредством которой модель аутентичности этнической группы (в нашем случае – кряшенского населения) заново воспроизводится в общественном пространстве и тем самым не даёт случиться ассимиляционным процессам.

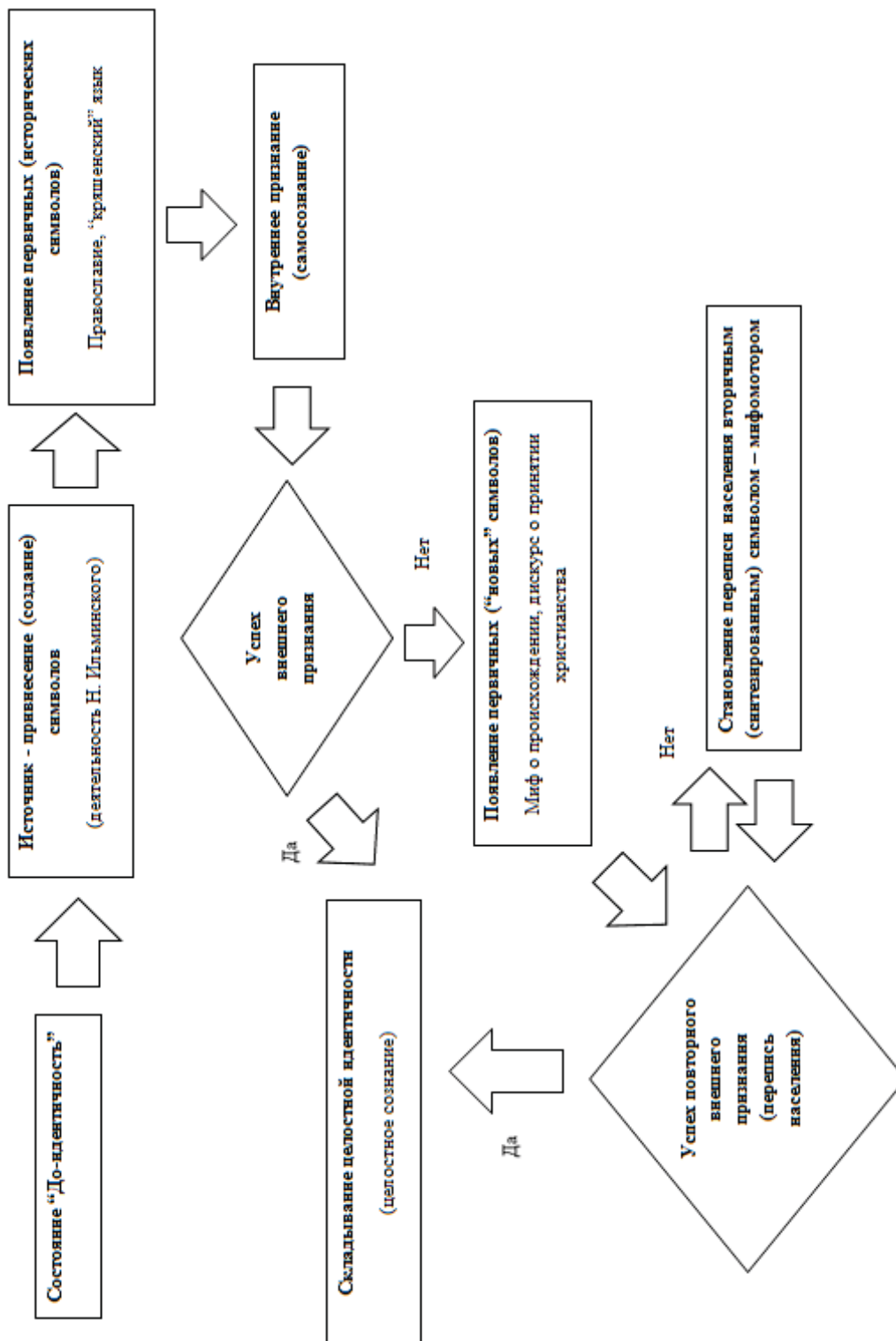
Миссионерская деятельность Н. Ильминского и символ “православие”

Если мы начинаем говорить об источнике появления всех значимых символов кряшенского движения – миссионерской деятельности Н.И. Ильминского, то необходимо найти изначальную цель данной деятельности. Можно выделить ряд целей:

1. Миссионерская деятельность как реакция на то, что многие “новокрещённые” татары стали переходить обратно в ислам.

Вполне вероятно, что православная миссионерская деятельность Н. Ильминского была ответом на решение проблемы отсутствия знаний о православном вероисповедании у вновь обращённых в христианство татар.

**Алгоритм трансформации символов этнополитической мобилизации
в кряшенском национальном движении**

Данное предположение не лишено оснований. Однако всё же не может служить доказательством, так как в середине XIX в. было чёткое разделение всех татар-христиан на “новокрещённых” и “старокрещённых”. Это особенно будет заметно, если обратиться к первоисточникам, например, к письмам Н. Ильминского (Письма... , 1896).

2. Укрепить самосознание “старокрещённых” татар

Версия о том, что Н. Ильминский и его ученики в рамках реализации государственной национальной политики Российской империи решили провести адресную работу со “старокрещёнными” татарами, является вполне реальной. Очень важно понимать тот факт, что укрепление идентичности “старокрещённых” татар было возможно лишь по линии религии. В данном случае, православие стало инструментом усиления внутренней сплочённости кряшен как этнической группы и их самоидентификации при нахождении среди мусульманского окружения.

По нашему мнению, здесь можно говорить о конструировании этнорелигиозной коллективной идентичности. Было важно даже не столько поднять авторитет Церкви как социального института в глазах кряшен, а сколько сформировать из православия символ, обладающий предельной ценностной характеристикой. Так или иначе, вся деятельность Н.И. Ильминского и его учеников была направлена на достижение этой цели. Забегая вперёд, отметим, что данная политика имела определённый результат. Именно символ православия станет в кряшенском национальном движении одним из самых значимых символов.

3. Стремление обособить “старокрещённых” татар от татар

Из трёх возможных целей миссионерской деятельности Н.И. Ильминского данный пункт стоит рассматривать как самый политизированный, но он не лишён определённых оснований. Так, в 1854 г. было создано единственное в России “антимусульманское” миссионерское отделение в Казанской духовной семинарии. Главной целью данной кафедры, кроме обучения семинаристов восточным языкам, была подготовка миссионеров-востоковедов, способных обращаться к нехристианским народам в православие. Данное структурное подразделение было очень успешным. Достаточно посмотреть на самых известных выпускников – Н. Ильминского, Е. Малова и П. Остроумова. Как отмечают исследователи данного периода истории Урало-Поволжского региона, их фактически готовили для того, чтобы они всю свою жизнь посвятили “образованию иностранцев” (Nurieva et al, 2016: 117).

Итак, если подводить итог возможных целей Н. Ильминского, то невозможно выделить определённую задачу его деятельности из тех, которые мы описали. На наш взгляд, перед миссионерской деятельностью Н. Ильминского стояли комплексные задачи и они, возможно, менялись в процессе самой этой деятельности.

Что же касается непосредственно самой миссионерской деятельности Н.И. Ильминского, то мы можем отметить, что именно она “породила” первые “исторические” символы кряшенского движения – символ православия и символ “кряшенского” языка. Появление этих символов непосредственно связано с двумя важными результатами миссионерской деятельности кряшенских православных просветителей середины XIX в.: решением проблемы образования в кряшенской среде и созданием литературного варианта “кряшенского” языка.

Итак, символ православия в миссионерской деятельности Н. Ильминского напрямую связан с решением проблемы образованности кряшенского населения. В середине XIX в. у кряшенского населения была очень низкая образованность. Это объясняется определённой специфической ситуацией. Кряшены почти не говорили на русском языке, поэтому не могли получить образование ни в светских учебных заведениях, ни в церковно-приходских школах, где обучалось русскоговорящее православное население. В добавление к этому, они и не могли получить образование в мусульманских учебных заведениях, так как кряшены были православными по вероисповеданию. Тем самым получается, что кряшены находились в маргинализованном положении без возможности получения образования. Данная проблема ещё важна с точки зрения интеграции кряшен в единое православное пространство российской империи. Н. Ильминский решил изменить эту ситуацию. Специально для этого православными миссионерами была адаптирована знаменитая педагогическая концепция К.Д. Ушинского, в частности, его идея “народного” образования. По этой концепции для достижения успеха в процессе образования необходимо брать за основу обычаи и традиции народа, которые уделяют исключительно большое внимание этнокультурным особенностям отдельно взятого ученика и, в более обобщённом варианте, особенностям его национального характера (Shabalina & Voagi, 2013: 27). В итоге Н.И. Ильминский и его преданный ученик В. Тимофеев открыли первые учебные кряшенские заведения, где люди могли обучаться на их родном языке. Конечно, это крещено-татарская школа, которая позже стала культурным центром кряшенского движения. Как отмечает А. Колчирин, в шко-

ле под руководством В. Тимофеева была обстановка, словно все находились в одной большой семье (Колчерин, 2016: 96).

Важность системы крещено-татарских школ (их была целая сеть в местах компактного проживания кряшен) трудно переоценить. Фактически мы можем говорить о том, что была решена проблема не только образованности кряшенского населения, но и была создана первая кряшенская интеллигенция, которая продолжила дело Н. Ильминского по этнополитической мобилизации кряшен как этноконфессиональной группы. Более того, можно выделить такую интересную, но малозаметную черту обучения в крещено-татарских школах, как индоктринация в сознание учащихся мессианского мировоззрения. Как известно, мессианство может быть выражено и объяснено как через религию, так и через философию (Петров, 2008: 390). В данном случае обучение в церковно-кряшенской школе напрямую связывало православие с установлением личных и социальных целей учащихся, приравнивая вероисповедание к этнической принадлежности и устанавливая идею о постоянной борьбе за признание своей этничности с помощью религиозного маркера идентичности.

Данный тезис можно доказать с помощью корреляционного анализа частоты постов в социальной сети «ВКонтакте», связанных с православием и Н. Ильминским за 2013–2018 гг. Эмпирический материал был представлен на основании двух социальных групп «ВКонтакте», одна из которых находится под контролем Общественной организацией кряшен Республики Татарстан¹ (далее – «умеренная» группа), а другая оппозиционная ей² (далее – «оппозиционная» группа).

Таблица 2

Посты в социальной сети «ВКонтакте», посвящённые Н.И. Ильминскому

Год	Оппозиционная группа	Умеренная группа
2013	6	4
2014	29	3
2015	30	2
2016	30	0
2017	25	1
2018	26	0

Таблица 3

Посты в социальной сети «ВКонтакте», связанные с православием

Год	Оппозиционная группа	Умеренная группа
2013	32	10
2014	73	6
2015	24	7
2016	42	3
2017	55	0
2018	39	3

Феномен оппозиционной группы и умеренной можно объяснить тем, что после переписи населения 2002 г. кряшенское национальное движение разделилось на 2 части. Данная фрагментация кряшенского движения объясняется частичным внешним признанием кряшен в переписи населения 2002 г., когда кряшены были записаны в переписи как субэтнос, с итоговым суммированием в переписную категорию «татары». Оппозиционная часть отвергла частичное внешнее признание. Можно предположить, что радикальная фракция испытывает недостаток внутренней идентичности, который пытается восполнить на внешнем уровне. Поэтому оппозиционная фракция чаще обращается к символам кряшенской этнополитической мобилизации. В частности, корреляция количества записей на тему таких символов, как «Ильминский» и «православие» за 2013–2018 гг. в группах «ВКонтакте» выше представленными группами составляет 0,833069 (83,3 %).

Символ «кряшенского» языка

¹ ОО «Кряшен РТ». URL: <https://vk.com/kryashennar>.

² Официальное сообщество «Кряшены». URL: <https://vk.com/kryasheny>.

Многие исследователи отмечают тот факт, что язык играет одну из самых важных ролей в формировании коллективной идентичности и, в частности, исторической памяти, от этого он становится значимым социальным символом (Мильруд, 2013: 43). Но важно отметить, что язык не всегда является краеугольным камнем в построении этнической идентичности. Язык может быть определённым выбором, одним из вариантов, через который можно конструировать нацию, но далеко не единственным. В подтверждение этих слов, известный специалист по психолингвистике и семантике Г. Му опубликовал в 2015 г. статью, где, опираясь на широкие эмпирические данные, обосновал, что степень корреляции между языком и этнической идентичностью не является высокой (Му, 2015: 251–252).

Кряшенский случай как раз нам и интересен тем, что многие символы, используемые для легитимации признания кряшен в качестве отдельной этнической группы к переписи населения 2002 г. и после неё, тесно переплетены. В данном случае символ кряшенского языка находится в неразрывной связке с “православием” и “деятельностью Н. Ильминского”. Н. И. Ильминский знаменит не столько решением проблемы образования в кряшенской среде, сколько тем, что перевёл на родной язык кряшен православные священные тексты. Кроме того, важно отметить тот факт, что переводческая деятельность на татарский язык велась задолго до Н. Ильминского, но не учитывались некоторые различия между литературным татарским языком (предыдущие переводы) и народным кряшенским диалектом татарского языка, где отсутствуют арабизмы. От этого кряшены просто не понимали эти переводы. В итоге, Н. И. Ильминский для того, чтобы перевести Литургию и Священное Писание, создал кряшенский алфавит на основе кириллицы. Это и есть “кряшенский язык”.

Что касается современного положения “кряшенского языка”, то письменный “кряшенский язык”, созданный Н.И. Ильминским, фактически полностью утрачен и остался только как “церковно-кряшенский” в религиозной литературе по аналогии с “церковно-славянским”. При этом важно отметить, тот факт, что кряшены, как и многие представители этнических меньшинств, у которых фактически потерян письменный литературный язык, продолжают его чтить как определённый символ, не позволяющий им полностью ассимилироваться с внешним окружением (Кююн, 2015: 21).

При том, что современные кряшены говорят на татарском языке, они продолжают почитать свой письменный литературный язык, который был создан Н. Ильминским и остался только в религиозной литературе. При всём том, что данный язык не может уже использоваться в качестве активного средства коммуникации, он всё же продолжает выполнять жизненно важную для субэтнической группы символическую идентификационную функцию. И как отмечают современные учёные, эти языки (которые фактически давно потеряны) могут быть обозначены как языки “наследия”; они должны рассматриваться как “общественные блага” (в оригинале – “public goods”) и даже не говорящие на этих языках имеют представление относительно их важности для национальной самобытности (Chhim & Belanger 2017: 929).

Эти слова может подтвердить событие, имеющее исключительную значимость для кряшенской общины Татарстана, которое произошло в ноябре 2018 г. в Чистополе. 27 ноября 2018 г. в г. Чистополе торжественно был открыт Кряшенский приход. Однако в декабре Епископ Чистопольский и Нижнекамский предложили изменить его статус до “простого”, общего прихода, служба в котором будет вестись на русском языке. По этому поводу развернулась бурная дискуссия в кряшенских группах социальной сети “ВКонтакте”. Участники сообществ обвинили епископа в том, что он целенаправленно дистанцируется от кряшен.

На первый взгляд, мы можем подумать, что реакция на изменения статуса православного прихода у кряшен как минимум странная, но это совсем не так. История кряшенского движения с середины XIX в. наглядно даёт понять, что религиозная (православная) идентичность у кряшен является доминирующей даже при том факте, что человек может себя не считать верующим (Севастьянов, 2017: 350). “Кряшенский язык” является наследием миссионерской деятельности Н. Ильминского, и он продолжает жить только в религии. От этого кряшенские приходы в Татарстане сами по себе становятся значимыми символами особенного “кряшенского православия”, так как церковные службы в них ведутся на церковно-кряшенском языке, что отличает их от общих (“русских”) приходов. Это позволяет кряшенам демаркироваться от православного русского населения и тем самым предотвращает неизбежные ассимиляционные процессы. Поэтому “кряшенский приход” является тем символом, который кряшенское сообщество будет отстаивать с особым усердием. При потере особого статуса церковной организации существует почти полная вероятность потери и “кряшенского” языка.

Это лишний раз подтверждает, что “Кряшенский язык” является одним из важных символов субэтнического национализма кряшен.

* * *

Подводя итоги, важно отметить, что внутри единой нации могут возникнуть конкурирующие репертуары видения будущего своей этнической группы. Это основано на конкурирующих этнически значимых символах, которые стороны (ранее как части единого национального движения) считают основополагающими для самоидентификации данного сообщества. Из-за этого различия оппозиционные друг другу части ранее единой нации начинают строить этнополитическую мобилизацию населения совершенно по-разному, опираясь именно на те этнически значимые символы, которые они считают краеугольными для поддержания своей идентичности.

Непосредственным примером сопряжения этнически значимых символов с практиками этнополитической мобилизации можно считать переписи населения, которые являются объективными процессами отражения субъективной идентичности. Это очень успешный механизм, так как не только сами кампании переписи населения, использующие значимые символы для этнополитической мобилизации, обладают действенным эффектом на усиление этнических идентичностей, но и со временем и сама “память” об этой кампании, “память борьбы” за свою идентичность становится не менее значимым символом для национального движения, которая “скрепляет” самоидентификацию населения (Денисов, 2018: 330). С целью борьбы за признание национальное движение конструирует свои собственные значимые символы, с помощью которых будет формироваться внутреннее признание (самость), а затем “отражать” эти символы на внешнем уровне с целью признания своей этнической группы другими этносами и общественными институтами. Символ “кряшенского” языка, который тесно связан с религиозной жизнью кряшен, позволяет им демаркироваться от православного русского населения и тем самым предотвращает неизбежные ассимиляционные процессы.

Библиографический список

- Денисов, А. Е. (2018) “Кряшенский вопрос” во всероссийской переписи населения 2002 года: попытка политизации этничности’, *Вестник РУДН. Серия: Политология*, Т. 20, 3, сс. 323–333. [Denisov, A. E. (2018) “Kryashen question” in the All-Russian census of 2002: the attempt to politicize ethnicity’ [“Kryashenskii vopros” vo vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda: попытка politizatsii etnichnosti], *RUDN Journal of Political Science*, Vol. 20, 3, pp. 323–333. (In Russ.)].
- Колчерин, А. (2016) ‘Кряшенская миссия. Уроки прошлого’, *Кряшенское историческое обозрение*, 2, сс. 94–99. [Kolcherin, A. (2016) ‘Kryashens mission. Lessons from the past’ [Kryashenskaya missiya. Uroki proshlogo], *Kryashen Historical Review*, 2, pp. 94–99. (In Russ.)].
- Кююн, Э. (2015) ‘Роль сохранения языка как символа при формировании идентичности’, *Ежегодник Финно-угорских исследований*, 2, сс. 19–28. [Küün, E. (2015) ‘Role of Survival of the Language as a Symbol upon Formation of Identity’ [Rol’ sokhraneniya yazyka kak simvola pri formirovaniy identichnosti], *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2, pp. 19–28. (In Russ.)].
- Мильруд, Р. П. (2013) ‘Язык как символ культуры’, *Язык и культура*, 2, сс. 43–60. [Millrood, R. P. (2013) ‘Language as a symbol of culture’ [Yazyk kak simvol kul’tury], *Language and Culture*, 2, pp. 43–60. (In Russ.)].
- Петров, А. П. (2008) ‘Проблема мессианства и его философский смысл’, *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 74-1, сс. 390–393. [Petrov, A. P. (2008) ‘Messianism and its philosophic sense’ [Problema messianstva i ego filosofskii smysl], *Scientific Journal of Herzen University*, 74-1, pp. 390–393. (In Russ.)].
- Письма Н. И. Ильминского к крещеным татарам* (1896). Казань: Типо-литография Императорского Университета. [N. Il’minsky’s letters to the baptized Tatars [Pis’ma N.I. Il’minskogo k kreshchenym tataram] (1896). Kazan: Emperor’s University Publ. (In Russ.)].
- Севастьянов, И. В. (2017) ‘Кряшены Татарстана: религия и проблема этнического самоопределения’, *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, сс. 345–361. [Sevast’yanov, I. V. (2017) ‘The Kryashens of Tatarstan: religion and problem of ethnic self-determination’ [Kryasheny Tatarstana: религия и проблема этнического самоопределения], *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, сс. 345–361. (In Russ.)].

- religiya i problema etnicheskogo samoopredeleniya], *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 4, pp. 345–361. (In Russ.).
- Сидоркин, А. М. (2014) 'Аутентичность – Диалогичность – Признание: не совсем вероятное путешествие', *Человек.ru.*, 9, сс. 213–218. [Sidorkin, A. M. (2014) 'Authenticity – Dialogicality – Recognition: an improbable journey' [Autentichnost' – Dialogichnost' – Priznanie: ne sovsem veroyatnoye puteshestvie], *Chelovek.RU*, 9, pp. 213–218. (In Russ.).]
- Фукуяма, Ф. (2004) *Конец истории и последний человек*. Москва: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак». [Fukuyama, F. (2004) *The End of History and the Last Man* [Konets istorii i poslednii chelovek]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST: ZAO NPP «Ermak» Publ. (In Russ.).]
- Armstrong, J. (1982) *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Benjamin, J. (2013) 'Thinking Together, Differently: Thoughts on Bromberg and Intersubjectivity', *Contemporary Psychoanalysis*, Vol. 49, 3: In Honor of Philip M. Bromberg, pp. 356–379.
- Bottici, Ch. (2007) *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chhim, Chris and Belanger, Eric (2017) 'Language as a public good and national identity: Scotland's competing heritage languages', *Nation and nationalism*, Vol. 23, 4, pp. 929–951.
- Habermas, J. (2001) *Justification and Application: Remarks on Discourse Ethics*. Cambridge: MIT Press.
- Hroch, M. (1996) 'Nationalism and national movements: comparing the past and the present of Central and Eastern Europe', *Nations and Nationalism*, 2, pp. 35–44.
- Hutchinson, J. (2005) *Nations as zones of conflict*. London: SAGE Publications.
- Malešević, Siniša. (2018) 'Nationalism and the longue durée', *Nation and nationalism*, Vol. 24, 2, pp. 292–299.
- Mu, G. M. (2015) 'A meta-analysis of the correlation between heritage language and ethnic identity', *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, Vol. 36, 3 pp. 239–254.
- Nurieva, F. Sh., Kadirova, E. Kh, Kuzmina, Kh. Kh. and Khadieva, G. K. (2016) 'Translation practice and educational activities of the Christian missionary N.I. Ilminsky', *European Journal of Science and Theology*, Vol. 12, 6, pp. 113–121.
- Shabalina, E. P. and Boagi, N. M. (2013) 'Peculiarities of education in folk pedagogy', *European Journal of natural history*, 4, pp. 27–30.
- Smith, A. (2009) *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. New York: Routledge.
- Taylor, C. (1989) *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. Cambridge: Harvard University Press.
- Taylor, C. (1994) 'The Politics of Recognition' in: Gutmann, A. (ed.) *Multiculturalism: Examining the politics of recognition*. Princeton: Princeton University Press, pp. 25–73.
- Taylor, C. (1995) *Philosophical Arguments*. Cambridge: Harvard university press.
- Thompson, S. (2006) *The political Theory of recognition: a critical introduction*. Cambridge; Malden: Polity Press.

Информация об авторе

Денисов Андрей Евгеньевич – научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан. E-mail: Count-Denisov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8616-6006. ResearcherID: N-8740-2018).

Статья принята к печати: 15.06.2019

SYMBOLS OF THE KRYASHEN NATIONAL MOVEMENT IN THE CONTEXT OF CHARLES TAYLOR'S POLITICS OF RECOGNITION

A. E. Denisov

Center of Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences

Abstract

The article analyzes the symbols of the Kryashen sub-ethnic national movement formed throughout the periods of the ethnic mobilization of the Kryashen population from the mid-19th century to the present day. The study is methodologically based on Charles Taylor's theory of recognition and the ethno-symbolic approach to the study of nationalism. In the politics of recognition, according to Charles Taylor, the formation of an authentic and harmonious identity always requires the recognition of significant others, in addition to the formed self-consciousness. When a subject is misrecognized, it may begin to demand recognition and struggle for it. For this, national movements use primary 'historical' symbols to actualize their ethnicity through achieving external recognition. If this does not happen, the process of creating new symbols, based on the existing ones, is launched.

The result of the study is classification of the symbols of the Kryashen sub-ethnic nationalism. The paper also presents a scheme showing the transformation of the symbols of Kryashens' ethnic mobilization from their source (N. Ilminsky's missionary activities) to giving the 2002 All-Russia population census the status of a separate synthesized symbol. i.e. a mythomoteur.

The author pays particular attention to the primary 'historical' symbols of 'Orthodoxy' and 'Kryashen language' as those necessary for the formation of the ethnic group's internal identity and found at all stages of the Kryashen sub-ethnic national movement.

Keywords: identity; Kryashens; nationalism; national movements; symbols; Charles Taylor's theory of recognition; ethnic mobilization.